

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спрашиваю своих студентов в МГИМО: «Назовите единственный из *разоруженческих* договоров за всю историю двусторонних отношений между СССР/Россией и США, который был не только подписан и ратифицирован, но еще и полностью выполнен обеими сторонами». Студенты у меня грамотные (да еще и интернет им в помощь).

– СНВ-I, – отвечают.

– А кто был руководителем нашей делегации? Кто вывел на заключение этого крупнейшего и благотворного для наших интересов и нашей безопасности договора?

– Посол Назаркин.

Ответ на отлично.

Юрий Назаркин тоже когда-то был отличником-МГИМОВцем. Сегодня он корифей советской, российской дипломатии. Но он такая разносторонняя личность, что «дипломатом» тут перечень начинается, но никак не может ограничиться. Профессор дипломатии... теннисист... дуайен «корпуса МГИМО» на швейцарской земле... шахматист... филателист... а какой рассказчик!

Люблю слушать повести Назаркина. В какой бы час я к нему ни заглянул на огонек, новая повесть – она же новая *главка*, она же новая *байка* – разворачивается неспешно, под обязательное наполнение стаканов шотландским виски, без вариантов, только рядом его обаятельная супруга Светлана поставит нам по стакану воды. На десятом десятке память у Юрия Константиновича на зависть любому юноше: цепкая, свежая, воспроизводящая любое имя, любую дату, что из 1940-х, что из 1960-х, что из прошлогодних известий. Рассказывает Назаркин медленно, тщательно, с расстановкой. Чеканит, будто диктует или пишет. Но то и дело взглянет лукаво... И ты уже начинаешь теряться, что это – *байка* или *быль*? Может, и *байка*... но не *небылица*. Лукавство есть, но без подвоха, без обмана.

И вот Юрий Константинович сложил свои *повести* и *байки* воедино. Так что теперь вы можете пропутешествовать вместе с послом Назаркиным от Женевы до Дар-эс-Салама... От Москвы до Джексон-Хоула... От Сиднея до Пицунды... От Коктебеля до озера Тун... От Парижа до Санта-Фе... От Ташкента до Макопсе... но *автор-эпикуреец* еще делится своим сожалением: «А жаль, что в моем перечне нет всех пятнадцати островов Кука». В этом весь Назаркин – с его удовольствием от своей дипломатической работы, с его постоянной жаждой нового.

Это очень эклектичная книга, но эклектичная с умыслом: если читатель вдруг почувствует, что *перегружен*, скажем, военнотехническими деталями переговоров по Договору о сокращении стратегических наступательных вооружениях (ставшему СНВ-I), то от высокого искусства дипломатии он может легко переключиться на забавные африканские зарисовки из тех времен, когда Танзания еще была Танганьикой... Жизнь дипломата здесь описана без глянца, но и без лишней скромности – она описана так, как она есть. Как ее помнит посол Назаркин. Высокое и приземленное в одном *флаконе*... или, как, наверное, должен был бы выразиться дипломат: *в одном неразрывном пакете*. Вот наш автор увлеченно играет в теннис с будущим вице-президентом США Альбертом Гором. А вот слегка подтрунивает на званом ужине над бывшим канадским премьером Пьером Трюдо.

Путешествуя с автором по странам и континентам, читатель совершит еще и путешествие в *машине времени*. Со страниц книги вам навстречу выйдут Андрей Громыко и Эдуард Шеварднадзе, Ефим Славский и Анастас Микоян, Роберт Рождественский и Алексей Аджубей, Елена Ханга (а точнее, ее занзибарский папа), маршал Ахромеев, генерал Лебедь... При этом автор не будет таить свое собственное «я», как и свою собственную оценку исторических личностей: вот он, рядом с ними; вот он, не пытающийся, играя в *дипломатию*, сгладить углы. Авторский голос очень даже *в кадре*, без «саморетуширования».

Когда я читал рукопись книги, то не мог не обратить внимание на то, что *на сцене* – то есть на ее страницах – появляются многие люди, с которыми и мне довелось быть знакомым: Е.И. Шапошников, Ф.М. Ладыгин, В.Ф. Петровский, Н.Н. Дегинев,

В.С. Колтунов, А.В. Грушко, А.Г. Арбатов, Л. Брукс, Р. Берт. Там, где автор дает им свои оценки, мне ни разу не пришлось воскликнуть: «Не согласен!». У автора острый язык, меткий глаз и доброе сердце.

Назаркин признается, что его то и дело тянуло из дипломатии в журналистику, в писательство. Как-то (но очень-очень давно) он чуть было не оказался штатным сотрудником в редакции памятной многим газеты «За рубежом». Писал (под псевдонимом) для «Вокруг света», даже, с его слов, детектив написал, где действие происходило в португальских колониях в Африке. «С его слов» – это значит, что точно написал: я уже знаю, что у Юрия Константиновича *все ходы записаны*; осталось забраться в подшивки «Вокруг света» полувековой давности. Легко владея пером – и отнюдь не только для телеграмм в Центр, – Назаркин предлагает нам легкочитаемые тексты или почти карандашные зарисовки «на тему».

Мы в редакции «ПИР-Библиотеки» не брали в руки ластик, чтобы затереть какие-то неполиткорректные пассажи. Мы хотели, чтобы вы слышали голос автора – такой, какой он есть. И увидели жизнь дипломата такой, какая она есть. В текстах Назаркина вы найдете мало здравниц, зато много критики. Не пенсионерского ворчания (ох и не похож задорно-ироничный Юрий Константинович на скучающего пенсионера!), но внятных – и часто резких – критических суждений.

Особенно это касается тех страниц воспоминаний, которые посвящены «закату». Закат Советского Союза, его распад, его нарастающая уступчивость в стратегических отношениях с США в конце 1980-х гг. – вижу, как все это до сих пор мучает автора; он слишком хорошо это знает и помнит, чтобы занять здесь позицию отстраненного нейтралитета. Страна разваливается на его глазах, а он ведет переговоры о сокращении ядерных вооружений, даже уже не до конца понимая, какая страна – или страны? – будет эти вооружения сокращать. Некоторые страницы просто кричат от боли и досады. С высоты своего возраста и своего опыта Назаркин может позволить сказать *непричесанно*.

Ну а если что-то в этой книге и *причесано*, так оно скорее и не *причесано*, а *отстрижено*: все-таки специфика работы автора и в МИДе, и на посту заместителя секретаря Совета Безопасности.

ти России заставляет все еще *отстригать* целые пласты, периоды и сюжеты. Хотя со времени большинства описываемых событий утекло уже четверть века, да больше – треть, а где-то и две трети века, то, что пока должно остаться *за кадром* (и неважно, где и когда оно происходило, на Смоленской набережной или на жевневской), останется в этой книге *за кадром*.

Мне повезло. Два десятилетия назад, когда я приехал в Женеву *сменичиком* на ту же профессорскую должность, которую незадолго до этого занимал посол Назаркин, я тут же получил от него замечательный профессиональный *экскурс*, который мне очень помог впоследствии, равно как и добрый совет не пренебрегать привокзальными швейцарскими трактирами, – где как раз этот *экскурс* (ну, или, если хотите, инструктаж) и состоялся. И потом неоднократно Юрий Константинович делился своим профессиональным и житейским опытом. Мне – и ПИР-Центру – повезло, что Юрий Константинович любезно согласился войти в состав нашего Экспертного совета, где не менее щедро делится своим опытом и своими воспоминаниями с новыми поколениями. И вам повезло: сегодня он поделится этими воспоминаниями с вами.

Владимир Орлов
апрель 2024 г.